Я закурил, осознавая, что неизбежно придется привлечь кого-то для помощи. Пришло время сделать этот выбор.

Чтобы сделать один звонок, я спустился с горы в небольшой бар у подножья. На самом деле это был простой домик, внутри отделанный как бар, где стены пестрели фотографиями побывавших здесь туристов-рюкзачников. Выбор напитков здесь довольно большой, можно даже заказать на столик ароматические свечи и прочие приятные мелочи. Но все это стоит очень дорого. Банка пива, которую обычно можно купить за несколько юаней, здесь стоит целых тридцать. В это время года в помещении установлено множество угольных печей, и люди приходят сюда компаниями погреться и посплетничать.

Был полдень, но в помещении бара темно. Источников света здесь немного: пара угольных печей и свечи, огоньки которых, отражаясь от бутылок и металлических банок, разбегались дрожащими бликами по стенам. Обожаю такую тихую и уютную атмосферу, поэтому на звонок я потратил больше времени, чем требовалось.

Я звонил Толстяку, который сейчас находился за тысячи километров отсюда. Там было жарко. Казалось, его голос излучал тепло, окружавшее его.

Расставшись с ним в Гуанси, первое время мне не часто удавалось поговорить с ним по телефону. В Банае плохо со связью. И каждый раз, когда я звонил, трубку брал Агуй. Я всегда просил передать Толстяку, чтобы тот перезвонил, но он никогда этого не делал.

На самом деле в душе я боялся, что он перезвонит. Слишком много воспоминаний были еще свежими и болезненными, я боялся вновь оказаться лицом к лицу со своим прошлым. И, когда понимал, что ответного звонка не будет, испытывал облегчение. В общем, с Толстяком мне удалось поговорить лично лишь через полгода. Этот разговор меня обрадовал. Кажется, он пришел в себя и даже немного шутил.

С тех пор мы общались примерно раз в неделю, он становился все более открытым и разговорчивым. Я не раз предлагал ему вернуться домой из Гуанси. Но это предложение всегда портило ему настроение. Каждый раз он отвечал, что ему отлично живется с тестем, намекал, что многие в деревне хотят породниться с ним. Короче, постоянно придумывал разные отговорки.

Я перестал настаивать, но каждый раз надеялся, что мой очередной звонок закончится его возвращением в цивилизацию. Я понимал, что там, в деревне яо, он чувствовал себя диким журавлем среди вольных облаков, но когда-нибудь ему придется вернуться в свой привычный мир и узнать, что там произошло за время его отсутствия. (прим. "дикий журавль среди вольных облаков" — идиома "не связанный никакими обязательствами, абсолютно свободный".)

Я рассказал Толстяку обо всем, что нашел и узнал здесь. Когда зашла речь о портрете младшего брата, он разволновался. Слыша, как дрожит его голос, я невольно почувствовал радость от того, что сумел как-то заинтересовать его.

Кажется, его сердце все же не превратилось в камень. Ну или растопился лед, просто он пока не хотел признавать этого.

Это первое, что пришло в голову. Но потом я понял, что причина волнения Толстяка в другом. Ему совершенно не было интересно то, что я сообщил. Но, видимо, какие-то собственные мысли его сильно обеспокоили.

"О чем ты думаешь?" — спросил я его. "Бла-бла-бла. Ты либо говори, либо грязевых улиток

ешь?"(прим. Грязевые улитки, Bullacta exarata — популярный морепродукт в восточном Китае, Японии и Корее. Обычно это выражение означает насмешку над невнятной речью, но Толстяк имеет в виду, что У Се не говорит по существу.)

"Ты много говоришь, но так и не озвучил проблему. А господин Толстяк внимательно слушал и мне показалось, что у тебя не все так гладко, как кажется. Впрочем, может быть, я лишнего напридумывал".

"Что ты имеешь в виду? Вроде бы со мной тут ничего особенного не приключилось. Да, здесь не так тепло и сыро, как в Банае, но тоже можно спрятаться от всего мира. Не ищи в моих словах то, чего нет. И не надо мне доказывать, что я слепой и глупый сосунок".

"Ой, само собой, ты — Святой Наивняшка, словно только что поднявшийся из воды лотос, не уступающий именитым господам. Куда бы не пошел, являешь всем пример альтруизма, подобно пламенному Лэй Фэну. Я понимаю, что красоты Баная не сравнимы с озером Сиху. Но тебя вообще в Медог занесло. А ведь Будда говорил, что пагоде Лэйфэн вечно суждено переживать разрушения". (прим. сарказм Толстяка требует серьезных пояснений. Для начала он сравнивает У Се с невинной девушкой (лотос, поднявшийся из воды), которая сразу достигла уровня мудрых чиновников, и в пример приводит героя Китая Лэй Фэна, главная заслуга которого — дневник, полный восторженных слов о Мао Цзедуне. Затем напоминает, как У Се постоянно намекал, что сам Толстяк сбежал от цивилизации (Банай — просто заброшенная деревня в Гуанси, а озеро Сиху — мировая достопримечательность), но при этом сам У Се уехал в настоящую "жопу мира". И под конец, играет словами, используя омонимию: Лэй Фэн - искусственно созданная легенда, а пагода Лэй Фэн (пишется по-другому) — достопримечательность озера Сиху, которую несколько раз жгли, разрушали до основания и снова восстанавливали.)

"Твою мать, ты когда так словами играть научился? — меня его сарказм разозлил не на шутку. — Я тебе из таксофона звоню, разговор немалых денег стоит. Можешь по существу говорить или так и будешь кота за хвост тянуть?"

"Ой, пиздец, какой ты сердитый. Толстяк так давно мира не видел и позабыл, что тебе, моему среднему братику, все разжевывать и в рот класть надо. Тогда слушай внимательно, что я тебе скажу".

"Я, бля, тебе не средний братик!" — грубо оборвал его я.

Мне показалось, что Толстяк улыбнулся, прежде чем сказать: "Ну тогда включай мозги. Ты ведь, вернувшись из Непала, сразу метнулся кабанчиком в Медог, верно?"

Я молча кивнул, но потом вспомнил, что он меня не видит, и ответил: "Да".

"А зачем, вернувшись из Непала, ты поперся в Медог? Ты — птичка перелетная, которая гнездуется в Непале, а зимует в Медоге? Ты вроде как в Непале по торговым делам был, но не привез хороших товаров. Если ты бизнесом занимался, то Медог должен обходить за сто миль, но ты всеми силами туда рвался?"

"Не занудствуй. У меня просто возникло такое желание".

"Ага, решил убраться подальше от толп людишек? Но ты же знал, что дорога в Медог не проста. Насколько мне известно, ты в последнее время боишься остаться без дела. Да и вообще не замечал за тобой стремления к уединению".

Я кивнул: так и есть. Я слишком много пережил и боюсь остаться наедине со своими мыслями. Даже засыпать страшно. Кажется, если остановлюсь, то вся моя жизнь рухнет. Поэтому в последние месяцы я с головой ухожу в работу и стараюсь как можно меньше времени проводить в дороге, когда делать нечего, и мысли сами лезут в голову.

"А теперь подумай о том, что привело тебя в Медог? Какие события подтолкнули тебя к этому решению".

Я задумался: "На самом деле все просто". И рассказал, почему решил посетить Медог.

"Ты думаешь, тебя туда судьба привела? — внимательно выслушав мои объяснения, спросил Толстяк. — Еще раз подумай, как получилось, что ты нашел там портрет младшего брата?"

Осознав смысл сказанного, я почувствовал, как забилось сердце. А Толстяк продолжал: "В нашем мире совпадения случаются крайне редко. Предположим, младший брат действительно побывал в Медоге. Но какова вероятность, что его нарисовали и повесили портрет там, где ты увидел его спустя много лет? Думаешь, что живешь в дораме?"

"Ты имеешь в виду, что кто-то подстроил это? Сначала завлек меня в Медог, потом подсунул портрет младшего брата? Это какой-то заговор?"

"Ты решил, что все закончилось, и конкретно расслабился. Несколько месяцев назад сам бы допер, — я пытался унять сердцебиение, а Толстяк ехидничал дальше. — Наивняшка, ты — звездюля, поздравляю с прохождением второго божественного уровня. Теперь буду звать тебя Наивняшка Второй".

"Какой ты, бля, добрый, — я чувствовал себя хуже некуда. — И что мне теперь делать? Уезжать отсюда?"

"Зачем уезжать? Я же говорю, что ты — звезда этого шоу, вокруг всего несколько неудачников. Ты сейчас в самом центре событий, как актер в свете софитов. Кто-то придумал сценарий, и, пока все идет по задуманному плану, тебе ничего не угрожает. Правда, если ты покажешь, что раскусил этот тайный план, сценарист воспользуется запасным, чтобы исправить положение. Хотя, возможно, у сценариста слишком мало свободы действий. Ты пока веди себя тихо. А мне дай адрес, я примчусь, словно на крыльях".

"Святой отшельник решил спуститься с горы в мир?"

"А что делать, если у меня есть Наивняшка в квадрате? Прежде чем другие начнут вправлять тебе мозги, это должен сделать я, — вещал ровным голосом Толстяк. — Кроме того, пока это не имеет ко мне отношения. Но если ты начудишь, то следующим их актером могу стать я".

Меня словно окутало добрым теплом, и паника, только что охватившая меня, исчезла без следа. Продиктовав ему адрес, я завершил разговор на радостной ноте, предполагая, что добраться сюда он сможет примерно за неделю.

Оглядевшись вокруг, я вдруг обнаружил, что атмосфера здесь вовсе не уютная, а, скорее, загадочная. Может быть, это результат нашего напряженного разговора. Или же я просто раньше был совершенно погружен в себя и не замечал деталей вокруг.

Выпив пива, я некоторое время постоял на пороге, пытаясь привыкнуть к холоду, а затем направился навстречу ветру. Причин не верить Толстяку у меня не было. Но я все равно решил сходить на почту и проверить его догадки. Кроме того, мне хотелось еще раз взглянуть на

портрет Молчуна.

Однако, если меня кто-то снова втянул в историю, то для чего это нужно? Прошло уже много времени, я давно отошел от запутанных дел. Неужели кому-то снова надо столкнуть меня в бездонную пропасть неприятностей?

Не в силах сдержать усмешку, я подумал, что сейчас стал совсем другим человеком, и одурачить меня гораздо сложнее. Да, я был слишком беспечен, но раз уж понял, что происходит, тем, кто придумал этот план, придется со мной повозиться.

В почтовом отделении было оживленно. Куча народу заполняла почтовые карточки, упаковывала посылки. Не желая занимать очередь, я сразу пошел к столу, выполнявшему роль почтовой стойки. Люди настороженно косились на меня, и я сказал: "Мне только деньги вернуть".

"Какие деньги?" — спросил человек за столом, внешностью напоминавший типичного бухгалтера. Я достал три тысячи юаней и ответил: "В прошлый раз денег не было, записали в долг. У вас на столе должна быть записка".

Принимая от меня деньги, он удивленно сказал: "Я не видел никакой записки".

"Тогда здесь не вы были. Другой человек", — объяснил я.

"Женщина?"

Я кивнул: "Должно быть, ваша сотрудница. Позвоните ей и спросите".

Бухгалтер выглядел сбитым с толку и сразу схватился за телефон. Я притворился скучающим и подошел к стене, где висел портрет Молчуна. Услышав, что бухгалтер набрал номер и ждет ответа, я снял картину, чтобы осмотреть гвоздь, на котором она висела.

Старый гвоздь, и стена под картиной немного другого цвета. Значит, она висела тут в самом деле давно.

Хм? Может, Толстяк и правда напридумывал лишнего? Хотелось бы, чтобы так и было.

Вернув картину на место, я заметил, что бухгалтер все еще разговаривает по телефону, одновременно перебирая бумаги на столе. И я стал осматривать остальные вымпелы и рамки. Перевернув очередную, я опешил.

Под каллиграфическим свитком "Полет птицы Пэн — десять тысяч ли" цвет стены не отличался от краски снаружи.

Этот свиток был повешен на стену не так давно.

Отступив на несколько шагов назад, я обратил внимание, что бухгалтер все еще разговаривает по телефону. Воспользовавшись моментом, я быстренько вышел на улицу и пошел прочь. Когда холодный ветер освежил мое лицо, я внезапно все понял.

Портрет Молчуна небольшого размера, цвета не броские. Если не осматриваться внимательно, то можно вообще его не заметить. Если кто-то хотел, чтобы я обратил внимание именно на эту картину, надо было сделать так, чтобы она резко бросалась в глаза.

В почтовом отделении, даже если бы эта картина была на стене одна, на нее можно не

обратить внимания, занимаясь своими делами. Чтобы привлечь к ней внимание, проще всего рядом повесить что-то, притягивающее взгляд.

Раньше я считал, что никто не станет заниматься такой ерундой. Но теперь знаю, что есть люди, способные просчитывать все до мелочей. Есть даже такие, кто может с помощью мелочей полностью контролировать окружающий мир. И такие странные способы действительно дают отличный результат.

Эту стену специально оформили так, чтобы я обратил на нее внимание. И портрет Молчуна повесили недавно. А почему под ним стена не изменила цвет? Думаю, там раньше тоже висела картина, возможно, эта же самая рамка, просто в ней заменили холст.

Ветер освежил не только мои чувства, но и мысли. Я на ходу размышлял обо всем, что произошло со мной с того момента, как я решил посетить Медог, и многое встало на свои места. Оказывается, я упустил некоторые детали. Теперь надо все проанализировать и сложить цельную картину происходящего.

Я был абсолютно спокоен, словно не в первый раз оказываюсь в такой ситуации. До того, как приедет Толстяк, думаю, смогу составить свой собственный план. Посмотрим, так ли наивен Наивняшка.

http://tl.rulate.ru/book/89763/3228082